

Николаев Д.Е.¹ Детерминанты межличностного конфликта и сотрудничества в контексте конструктивистского подхода к теории самодетерминации

Nikolaev D.E.¹ Determinants of Interpersonal Conflict and Cooperation within the Framework of Constructivist Approach to Self-Determination Theory

¹ Исследовательский центр «Аналитик», Екатеринбург, Россия

В статье исследуются детерминанты двух типов поведения – конфликтного и ориентированного на сотрудничество – с позиций теории самодетерминации. Показано, что в инициировании двух вышеуказанных типов поведения, в зависимости от используемого типа регуляции активности, детерминантами выступают те или иные эмоционально заряженные ментальные образы. Для внешней регуляции наиболее значимыми оказываются образы внешних подкреплений и наказаний (в том числе создаваемые с помощью проекции, каузальной атрибуции или категоризации). Для интроецированного типа регуляции – образы я-глазами-других-в-конкретных-ситуациях, для идентифицированного – образы более-совершенного-себя и более-совершенного-мира, для интегрированного – образ я-конгруэнтный. Внутренняя регуляция использует образы активности и связанных с ней эмоций. Фасилитация поведения для каждого из типов регуляции, выделенных в рамках теории самодетерминации, также имеет свои особенности. В реальном поведении могут одновременно сосуществовать и демонстрировать взаимовлияние несколько видов регуляции активности, в том числе побуждающих одновременно к конфликтному и сотрудничающему поведению. Соответствующая стратегия фасилитации поведения, ориентированного на сотрудничество, предполагает, во-первых, содействие формированию и закреплению убежденности человека в важности и ценности сотрудничества и толерантности путем целенаправленного включения его в продуктивное взаимодействие с другими, а во-вторых, создание условий для использования человеком наиболее автономных видов регуляции с помощью методик, разработанных в рамках теории самодетерминации.

Ключевые слова: теория самодетерминации, регуляция активности, конфликт, сотрудничество, толерантность.

Введение

В XIX и XX вв., благодаря работам трех великих мыслителей – Ч. Дарвина, К. Маркса и З. Фрейда – ключевой метафорой магистральных линий размышления о детерминантах развития являлась метафора конфликта [Асмолов, 2007]. В результате на протяжении большей части прошлого века в социальных науках и общественном сознании понятие конфликта легло в

основу объяснительных схем индивидуального и социального развития (З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм, К. Левин, А. Бандура, Д. Морено, Т. Шибутани, Г. Спенсер, Т. Парсонс, А.Г. Здравомыслов и др.). Стала обыденной и привычной «конфликтная» картина мира, представляющая общественную жизнь как совокупность конфликтов на уровне цивилизаций, стран, религиозных и общественных течений, классов, корпораций, малых групп и отдельных личностей.

В то же время публикуются значимые работы, в которых в основе объяснительных моделей находится не конфликт, а различные формы сотрудничества (П.А. Кропоткин, А. Швейцер, Г. Олпорт, Р. Аксельрод, Р. Фишер, Д. Холдейн, У. Гамильтон, Ю.М. Лотман, А.Г. Асмолов, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский и др.). Со временем такая картина мира приобретает все больше сторонников. С начала XXI в. исследователи начинают прямо говорить о происходящем в науке и общественном сознании переходе от «парадигмы конфликта к парадигме толерантности» [Асмолов, 2007, с. 500-518; Солдатова, Нестик, 2011]. Констатируется отход от восприятия конфликта как единственной или главной движущей силы социального и индивидуального развития. Меняется доминирующая картина мира, образ общественной жизни все в большей степени рисуется как система различных форм сотрудничества, содействия, сопереживания, эмпатии, альтруизма. Все больший удельный вес приобретают образцы поведения, нацеленного на сотрудничество и кооперацию [Pinker, 2011; Pinker, 2018].

Таким образом конфликт и сотрудничество не только стали базовыми метафорами двух объяснительных схем развития, они задают шкалу своеобразных ценностных ориентаций. Конфликтное поведение во многих современных обществах воспринимается преимущественно как проявление маргинальности. В других культурах, напротив, сопереживание, эмпатия и альтруизм могут явно или неявно осуждаться, считаясь проявлениями слабости. Между этими полярными вариантами есть и многочисленные промежуточные [Fry, 2017; van der Zee, Hofhuis, 2018]. С одной стороны, часто встречающиеся образцы поведения постепенно формируют и модифицируют нормы, традиции и ценности в конкретном обществе, с другой стороны, эти образцы сами транслируются культурой и интернализируются людьми в процессе социализации. В этой связи представляется актуальным изучение комплекса регуляторных механизмов как конфликтного, так и ориентированного на сотрудничество поведения человека в рамках парадигмальных координат современных психологических концепций.

Регуляция человеческого поведения в течение более 45 лет исследуется многочисленными научными группами и отдельными учеными в рамках теории самодетерминации (ТСД) – одной из самых авторитетных, в наибольшей степени теоретически разработанных и эмпирически подтвержденных теорий мотивации и личности [Леонтьев, 2018; Deci, Ryan, 2002]. В рамках ТСД выделено пять типов регуляции активности – внешний, интроецированный, идентифицированный, интегративный и внутренний. Интроецированный, идентифицированный и интегративный типы различаются степенью принятия человеком конкретных ценностей, убеждений или поведенческих норм из внешних источников и трансформации их в свои собственные. Все пять типов качественно различаются между собой, при этом часто действуют одновременно, демонстрируя взаимовлияние [Ryan, Deci, 2017].

Цель данной работы – выявление в рамках теоретического исследования детерминант двух типов поведения, конфликтного и ориентированного на сотрудничество, а также способов их фасилитации. Для достижения поставленной цели представляется целесообразным рассмотреть различные варианты регуляции двух типов поведения с конструктивистских позиций, что позволяет оптимально интегрировать возможности различных научных подходов и парадигм.

Внешняя регуляция конфликтного и ориентированного на сотрудничество поведения

В рамках внешней регуляции человек проявляет активность, рассчитывая на получение какого-либо внешнего подкрепления либо стремясь избежать наказания [Ryan, Deci, 2000b].

Соответственно, проявление конфликтного поведения может быть связано с тем, что именно такой тип активности по мнению человека выгоден ему в данный момент. Вероятно, самый частый случай здесь – ситуация конкуренции. Конфликт выступает как средство борьбы с соперниками за какие-либо ресурсы (материальные, социальные, духовные).

Однако внешняя регуляция конфликтного поведения не сводится исключительно к конкурентной борьбе. Возможны и другие варианты. Например, с помощью демонстрации конфликтного поведения человек может рассчитывать поднять свой социальный статус, получить одобрение со стороны значимых других, заслужить их признание вне ситуации конкуренции с кем-либо. Также причиной конфликтной активности может выступить, например, стремление обеспечить собственную безопасность путем разрешения потенциально

опасной ситуации на раннем этапе. Иными словами, регулятором поведения здесь может выступать ментальный образ внешнего предмета любой значимой для человека потребности.

Поведение, ориентированное на сотрудничество, также регулируется ментальными образами внешних подкреплений и наказаний. Например, в случае, когда получение необходимых ресурсов представляется невозможным без сотрудничества с другим, более сильным (профессиональным, опытным, успешным и т.п.). Демонстрация поведения, ориентированного на сотрудничество, может являться средством сближения с нужным человеком. Кроме того, человек может стремиться к сотрудничеству в профессиональной деятельности, поскольку недостаточный уровень кооперации осуждается коллегами или руководством.

На первый взгляд, к детерминантам внешне регулируемого поведения следует отнести точные ментальные образы мотивационно значимых для человека событий и элементов окружающей среды, “мира вокруг” [May, 1983, p. 126-132]. Однако ментальные образы формируются на основе пристрастного, зависящего от индивидуальной картины мира восприятия окружающей действительности. Тем самым во внешней регуляции поведения, помимо ситуативных факторов, проявляют себя и факторы личностные. Более того, в некоторых случаях такие образы могут оказаться весьма слабо связаны с окружающей реальностью.

Во-первых, ментальный образ может быть сконструирован с использованием механизма проекции. В этом случае человек проецирует собственные аффективные проявления, приписывая их другим, а затем воспринимает эти конструкты как внешние подкрепления своего поведения – конфликтного или сотрудничающего.

Во-вторых, образ внешнего подкрепления может сформироваться с использованием каузальной атрибуции. Воспринимая чье-то поведение, человек приписывает другому мотивы и ценности, которыми это поведение якобы вызвано. Ошибки атрибуции приводят к тому, что человек воспринимает сконструированные им самим «мотивы» другого как внешние подкрепления.

В-третьих, при создании образа внешнего подкрепления ключевую роль может сыграть склонность к категоризации. Человек может по отдельным (реальным или воображаемым) признакам ошибочно отнести другого к социальной группе, вызывающей у него стойкую

неприязнь («предатели», «мошенники», «бюрократы», «мажоры», «враги православия» и т.п.) или симпатию («надежные товарищи», «настоящие леди», «перспективные работники», «гуру маркетинга»). Уже само отнесение другого к той или иной социальной группе может вызвать конфликтное или сотрудничающее поведение по отношению к нему, тем более что любые действия другого могут интерпретироваться в зависимости от категории, к которой он отнесен.

Фасилитация сотрудничающего поведения на уровне внешней регуляции может осуществляться путем формирования убежденности в его выгоды, способности обеспечить удовлетворение значимых потребностей. Это может осуществляться с использованием в различных сочетаниях трех из четырех возможных механизмов мотивообразования [1], предполагающих задействование как сознательного, так и бессознательного уровней психики [Вилюнас, 1990; Николаев, 2020]. Во-первых, человек может быть постепенно включен в активность, предполагающую сотрудничество, с одновременным получением внешнего подкрепления (мотивационное обусловливание). Во-вторых, полезность сотрудничающего поведения может быть разъяснена ему на примерах с помощью вербальной аргументации (мотивационное опосредствование). В-третьих, возможен вариант, когда человек начинает сотрудничество, рассчитывая на поощрение, которое ему обещано не было (мотивационное обусловливание с прогнозируемым подкреплением) [Николаев, 2020].

Интроецированная регуляция конфликтного и ориентированного на сотрудничество поведения

Причиной определенного поведения на этом уровне является стремление человека «подпитать» свое эго или избежать переживаний стыда и вины. При этом поведение воспринимается вынужденным, навязанным извне [Ryan, Deci, 2000a].

В этом случае человек демонстрирует конфликтное поведение, поскольку считает, что вынужден поступать именно таким образом, иначе будет выглядеть глупо, недостойно, нелепо. Напротив, участие в конфликте позволит ему казаться более уверенным и решительным. При этом не важно, реально ли присутствуют значимые другие, наблюдают ли за ним. В отличие от внешней, интроецированная регуляция является интрапсихической, поэтому контролируемым и контролирующим субъектом является одно и то же лицо.

Ориентация на конфликт здесь не является сознательной, и зачастую человек оказывается втянутым в противостояние, внутренне противясь этому, но тем не менее следуя мощным интрапсихическим побуждениям. Эти побуждения воспринимаются как требующая и контролирующая сила, принуждающая человека к конфликту. Иными словами, соответствующий интроект находится в противоречии с другими побуждениями, в результате чего по прошествии некоторого времени человек может испытывать чувство неловкости, стыда за излишнюю агрессивность. Также неполная интеграция интроекта приводит к тому, что реализация конфликтного поведения требует серьезных психических усилий; при систематических конфликтах нередко возникает ощущение истощенности, моральной опустошенности.

Поведение, ориентированное на сотрудничество, также вызвано опасениями человека о том, как его поведение будет восприниматься со стороны. В этом случае недостаточное проявление участия и эмпатии, низкая толерантность вызывают стыд и чувство вины, поскольку, например, обесценивают его образ в глазах других, делают его высокомерным и черствым. Напротив, ориентированное на сотрудничество поведение связано с самоуважением, удовлетворением и чувством гордости за себя. Также гордость и нравственную правоту человек будет испытывать, осуждая других за конфликтность и отсутствие стремления к сотрудничеству.

Как и в случае с конфликтным поведением, побуждение к сотрудничеству имеет внутриличностную природу, но воспринимается как навязанное извне обязательство, которое необходимо выполнить, хотя это и не особенно приятно. Впоследствии человек может корить себя за излишнюю толерантность и «бесхребетность». Постоянная ориентация на сотрудничество, регулируемая с помощью интроектов, изматывает и истощает человека.

Из изложенного следует, что детерминанты поведения, регулируемого с помощью интроекций, то есть интернализованных норм и образцов поведения (а именно эмоционально заряженные образы «я-глазами-других-в-конкретных-ситуациях»), отражают особенности социального мира человека. Кроме того, поскольку при интернализации интроект подвергается частичной трансформации, при детерминации инроецированного поведения играют роль и личностные особенности.

Фасилитация ориентированного на сотрудничество поведения при регуляции с помощью интроектов возможна путем частичной интернализации человеком соответствующих норм и образцов поведения. Это может быть осуществлено в результате разнообразных сочетаний четырех возможных механизмов мотивообразования. Человек может убедиться в социальном одобрении сотрудничающего поведения на опыте (мотивационное обусловливание), в результате воздействия вербальной аргументации (мотивационное опосредствование), рассчитывая заслужить одобрение своим неконфликтным поведением (мотивационное обусловливание с прогнозируемым подкреплением). Кроме того, необходимость сотрудничества может быть неким обязательным условием, «довеском» к уже полученному подкреплению. Это ситуация, в которой значимые другие, уже «авансом» поощрившие человека своим одобрением, явно ждут от него сотрудничающего поведения, открыто рассчитывают на кооперацию (мотивационное опосредствование с непосредственным подкреплением) [Николаев, 2020].

Идентифицированная регуляция конфликтного и ориентированного на сотрудничество поведения

На этом уровне регуляции человек действует определенным образом, поскольку сознательно разделяет ценность, связанную с таким поведением. Важно, что она не вполне согласована с имеющейся структурой ценностей человека [Gagné, Deci, 2014].

Возникновение конфликтного поведения в данном случае может быть вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, человек может быть убежден в важности жесткого и даже агрессивного прояснения принципов и позиций. Например, он может считать, что конфликт ценен сам по себе как способ снятия психического напряжения в коллективе, разрешения противоречий и т.п. Это случай конфликта ради конфликта. Во-вторых, он может воспринимать соответствующее поведение как единственно возможный или наиболее адекватный способ отстаивания иных важных для себя ценностей. Таким способом человек может, например, требовать справедливости, уважения к себе или другим людям. Также инициирование конфликтного поведения может происходить в результате стремления покарать обидчика, лжеца, мошенника и т.п. В последнем случае конфликт играет роль возмездия за попранные ценности.

В отличие от интроецированной регуляции, в этом случае побуждение к конфликтному поведению не воспринимается как уступка некоей требующей и контролирующей силе.

Конфликтное поведение субъективно воспринимается человеком как реализация собственной воли. При этом, в силу наличия у человека противоположно направленных ценностей и убеждений, активность все еще требует психических усилий, хотя и меньших, чем при интроецированной регуляции.

Сотрудничающее поведение может, во-первых, определяться ценностью для человека собственно содействия, кооперации, взаимопонимания. В этом случае он будет стремиться сотрудничать даже в самых неблагоприятных для этого ситуациях, потому что считает такое поведение правильным и необходимым, лично важным для себя. Во-вторых, ориентация на сотрудничество может быть вызвана тем, что человек не видит способа отстоять важные для себя ценности иначе как кооперируясь с другими. Особенно наглядно такой вариант проявляется в политике и общественной деятельности, где нередко для продвижения своих проектов объединяются представители соперничающих партий и движений.

Такое сотрудничество, как и конфликт, требует серьезного психического напряжения для сдерживания побуждений, возникающих на базе ценностей, которые противоречат ориентации на сотрудничество. Имеющиеся противоречия в структуре ценностей могут приводить к сомнениям в своих действиях, сожалениям о трате сил и времени на поиск путей к сотрудничеству.

Детерминанты поведения, регулируемого с помощью идентификаций (эмоционально заряженные образы «более-совершенного-себя» и «более-совершенного-мира»), также обусловлены культурой и особенностями личности. Иным, нежели в случае интроекций, является соотношение этих двух групп факторов – при идентифицированной регуляции поведение в большей степени обусловлено личностно, чем при интроецированной.

В рамках идентифицированной регуляции ориентированное на сотрудничество поведение фасилитируется аналогично поведению с интроецированной регуляцией. В идентификации человека с ценностью сотрудничества могут принимать участие все четыре возможных механизма мотивообразования.

Интегрированная регуляция конфликтного и ориентированного на сотрудничество поведения

Интегрированный уровень регуляции подразумевает, что интернализированная идентификация или интроект становятся частью личности человека, полностью согласуются с другими ее аспектами. Соответствующее поведение становится естественным и ингерентным [Ryan, Deci, 2019].

На этом уровне регуляции почти не возникает побуждений, противоречащих интроекту или ценности, благодаря которым разворачивается конфликтное поведение. В этом смысле субъект ведет себя как цельная личность. Отказаться от конфликта, ориентироваться на сотрудничество означает для него изменить себе, переступить через свои убеждения и принципы. Вступая в противоборство, человек не испытывает особых сомнений или угрызений совести. Он осознает необходимость конфликта и полностью убежден в его целесообразности. Соответствующее поведение в этом случае воспринимается человеком как полностью аутентичное.

Ориентация на сотрудничество в этой ситуации также воспринимается человеком как аутентичная, принципиальная, лично избранная позиция. Человек не просто искренне убежден, что она является правильной, но и руководствуется ей в своих поступках. При этом сотрудничество не является самоцелью, оно используется как средство реализации и достижения значимых ценностей.

Возникновение такой регуляции поведения связано с трансформацией имеющихся ценностей и образцов поведения, их перестройкой и согласованием с идентификацией или интроектом, предполагающими конфликтное или, напротив, сотрудничающее поведение. Как правило, при этом задействуется саморефлексия, а поведение является полностью волевым.

Таким образом, детерминанты интегрированно регулируемого поведения (эмоционально заряженные образы «я-конгруэнтный»), как и в двух предыдущих случаях, связаны с культурой и особенностями личности. Влияние личностных факторов более значимо, нежели при интроецированном и идентифицированном типах регуляции.

Фасилитация интегрированной регуляции, помимо содействия интериоризации идентификации или интроекта (как при двух предыдущих видах регуляции), предполагает дополнительное подключение саморефлексии. Именно в результате сознательной трансформации интериоризируемого содержания, согласования его с различными аспектами психики происходит креативный синтез, снимающий внутриспсихические противоречия. В этом могут принимать участие все четыре возможных механизма мотивообразования.

Внутренняя регуляция конфликтного и ориентированного на сотрудничество поведения

Соответствующее поведение регулируется стремлением к получению переживаний интереса и удовольствия в процессе активности. В этом случае не какие-то внешние подкрепления или ценности и нормы, а само по себе поведение является значимым для человека [Ryan, Deci, 2017].

На всех предыдущих уровнях регуляции человек не получал от конфликта удовольствия, осознанно или неосознанно он относился к конфронтации с окружающими инструментально. При внутренней регуляции человек получает удовольствие от самого конфликта, возможные выгоды и общественное мнение здесь вторичны. Иначе говоря, конфликт становится способом получить положительные переживания, которые недоступны или труднодоступны в других ситуациях. Многие люди получают удовольствие от занятий экстремальными видами спорта или единоборствами. А для некоторых таким любимым состязанием или своего рода поединком, вызывающим столь же мощный эмоциональный выплеск, является конфликт. Такие люди ощущают себя внутри конфликтной ситуации комфортно, не стремятся к скорейшему разрешению противоречий, наслаждаются складывающимся противостоянием.

Точно так же и с поведением, ориентированным на сотрудничество. Люди могут получать подлинное удовольствие от кооперации, содействия, эмпатии, альтруизма независимо от внешних оценок и личной выгоды. Они сотрудничают, потому что им нравится сам процесс продуктивного взаимодействия, ценны эмоции, которые при этом возникают. При этом продуктивность такого взаимодействия для них вторична; даже если сотрудничество окажется неэффективным, они останутся удовлетворены уже самим фактом его наличия. Люди с такой регуляцией активности стремятся не к сотрудничеству как средству достижения каких-то целей, а к сотрудничеству ради сотрудничества.

Из изложенного следует, что наибольший вклад в детерминацию внутренне регулируемого поведения вносят личностные факторы, а именно личный опыт переживания положительных и отрицательных эмоций в ходе той или иной активности. Именно соответствующие ментальные образы активности и сопровождающих ее эмоций выступают ее регуляторами.

Внутренне регулируемое сотрудничающее поведение может быть фасилитировано только в ходе включения человека в деятельность, неотъемлемо предполагающую сотрудничество, поскольку невозможно ощутить спонтанные переживания интереса и удовольствия от конкретной активности, если этой активности человек не осуществляет. Поэтому возможными мотивационными механизмами выступают мотивационное обусловливание и мотивационное обусловливание с прогнозируемым подкреплением, которые предполагают включение человека в деятельность, обогащенную продуктивным взаимодействием с другими.

Таблица 1

Детерминанты конфликтного и ориентированного на сотрудничество поведения и механизмы мотивообразования, используемые при фасилитации

<i>Стиль регуляции</i>	<i>Детерминанты поведения</i>	<i>Механизмы мотивообразования, используемые при фасилитации</i>
Внешний	Образы внешних подкреплений и наказаний (в т.ч. создаваемые с помощью проекции, каузальной атрибуции или категоризации)	- обусловливание - опосредствование - обусловливание с прогнозируемым подкреплением
Интроецированный	Образы я-глазами-других-в-конкретных-ситуациях	- обусловливание - опосредствование
Идентифицированный	Образы более-совершенного-себя и более-совершенного-мира	- обусловливание с прогнозируемым подкреплением - опосредствование с
Интегрированный	Образ я-конгруэнтный	непосредственным подкреплением
Внутренний	Образы активности и связанных с ней эмоций	- обусловливание - обусловливание с прогнозируемым подкреплением

Комплексная регуляция реального поведения

В реальном поведении, конфликтном или ориентированном на сотрудничество, чаще всего участвуют несколько видов регуляции. Например, человек может получать удовольствие от сотрудничества самого по себе, при этом параллельно ощущая гордость за то, что его поступки социально одобряемы. Другой человек может систематически демонстрировать конфликтное

поведение, считая, что оно приносит ему личную выгоду, а сам конфликт полезен для поддержания атмосферы конкуренции в коллективе.

Различные виды регуляции одного конкретного типа поведения не только сосуществуют, но и могут влиять друг на друга. Так, известно, что при определенных обстоятельствах введение внешней регуляции деятельности может снижать значимость регуляции внутренней [Gagné, Deci, 2014; Ryan et al., 2019]. Однако, существенно более интересными представляются случаи одновременного сосуществования интенций к конфликтному и сотрудничающему поведению.

Такая ситуация может сложиться на каком-то одном, конкретном уровне регуляции. Например, в ситуации, когда оба типа поведения, как представляется человеку, ведут к определенной личной выгоде, победе в конкурентной борьбе за ресурсы (внешняя регуляция). Другой вариант – в психике человека могут сосуществовать два противоречащих друг другу интроекта или две идентификации (интроецированный и идентифицированный виды регуляции). При этом может возникать ситуация внутриличностного конфликта, борьбы мотивов. Однако, посредством рефлексии эти же интроекты и идентификации могут не противостоять друг другу, а в результате креативного синтеза интегрироваться в психику и гармонично сосуществовать [Ryan, Deci, 2017; Ryan et al., 2012] (интегрированная регуляция). Наконец, вероятно, теоретически возможны ситуации, когда человек получает удовольствие и от сотрудничества с другими, и от конфликта с ними (внутренняя регуляция).

Не всегда сосуществование противоположных интенций происходит лишь на одном уровне. Человек может испытывать одновременное действие побуждений к конфликтному и сотрудничающему поведению, относящихся к разным видам регуляции. Например, он получает удовольствие от конфликта, но понимает, что в данной ситуации конфликт ему категорически не выгоден, а выгодно не слишком приятное ему сотрудничество. В другом случае человек может искренне ценить толерантность, но понимать, что ее проявление будет негативно воспринято значимыми другими.

Комплексная регуляция реального поведения как одновременное сосуществование в качественно разнообразных вариациях побуждений ситуативной, личностной и социальной природы добавляет образу человека сложности, вариативности и непредсказуемости. Она же значительно усложняет задачу фасилитации ориентированного на сотрудничество поведения. Тем не менее, общую стратегию такой работы можно обозначить.

Согласно многочисленным исследованиям, проведенным в рамках ТСД, наиболее стабильными и продуктивными являются виды регуляции, предполагающие максимальную степень автономии (интегрированная и внутренняя регуляция) [Deci et al., 2017; Ryan, Deci, 2004; Ryan et al., 2021; Sheldon, Goffredi, 2021]. Они же являются наименее психологически затратными, поскольку не предполагают расходования психических ресурсов на сдерживание противоположно направленных побуждений. Характерным для внутренней регуляции активности является состояние потока, характеризующееся максимальными сосредоточением и вовлеченностью человека в активность на протяжении длительного времени [Csikszentmihalyi, 1990]. Наименее стабильными, продуктивными и одновременно максимально затратными для психики являются внешний и интроецированный виды регуляции [Ryan, Deci, 2017; Sansone, Tang, 2021]. В их рамках человек сталкивается с постоянной изматывающей борьбой мотивов, нередко приводящей к отказу от выбранной стратегии поведения.

В этой связи фасилитацию ориентированного на сотрудничество поведения представляется целесообразным осуществлять одновременно в двух направлениях. Во-первых, целесообразно способствовать формированию и закреплению убежденности человека в важности и ценности кооперации, содействия, толерантности, альтруизма. По-видимому, наиболее «экологичной» стратегией здесь является включение человека в деятельность, которая способствует формированию соответствующих установок различного уровня (соответствующий механизм – мотивационное обусловливание). Во-вторых, целесообразно параллельно фасилитировать использование человеком наиболее автономных видов регуляции с помощью разработанных в рамках ТСД методик [Gagné, 2014; Silva et al., 2014]. Они предполагают удовлетворение трех базовых (в терминологии ТСД) потребностей – в автономии, компетентности и взаимосвязи с другими людьми [Olafsen et al., 2018; Vansteenkiste et al., 2020]. Переход к наиболее автономным видам регуляции вкупе с убежденностью человека в ценности сотрудничества может способствовать формированию стабильных образцов сотрудничающего поведения.

Выводы

1. В зависимости от используемого типа регуляции активности в инициировании двух типов поведения – конфликтного и ориентированного на сотрудничество – детерминантами выступают те или иные эмоционально заряженные ментальные образы. Для внешней регуляции наиболее значимыми оказываются образы внешних подкреплений и наказаний (в

том числе создаваемые с помощью проекции, каузальной атрибуции или категоризации). Для интроецированного типа регуляции – образы я-глазами-других-в-конкретных-ситуациях, для идентифицированного – образы более-совершенного-себя и более-совершенного-мира, для интегрированного – образ я-конгруэнтный. Внутренняя регуляция использует образы активности и связанных с ней эмоций.

2. Стратегии фасилитации ориентированного на сотрудничество поведения для каждого из типов регуляции предусматривают использование сочетаний нескольких механизмов мотивообразования. Для внешней регуляции возможно использование трех механизмов – мотивационное обусловливание, мотивационное опосредствование, мотивационное обусловливание с прогнозируемым подкреплением. Для интроецированного, идентифицированного и интегрированного типов регуляции могут использоваться все четыре механизма (помимо трех перечисленных – мотивационное опосредствование с непосредственным подкреплением). Для внутренней регуляции могут использоваться два – мотивационное обусловливание и мотивационное обусловливание с прогнозируемым подкреплением.

3. В реальном поведении могут одновременно сосуществовать и демонстрировать взаимовлияние несколько видов регуляции активности, в том числе побуждающих к одновременно к конфликтному и сотрудничающему поведению. Соответствующая стратегия фасилитации поведения, ориентированного на сотрудничество, предполагает одновременное содействие формированию и закреплению убежденности человека в важности и ценности кооперации, содействия, толерантности и альтруизма путем целенаправленного включения его в продуктивное взаимодействие с другими, а также создание условий для использования человеком наиболее автономных видов регуляции с помощью методик, разработанных в рамках теории самодетерминации.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3 изд., испр. и доп. М.: Смысл, «Академия», 2007.

Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Московский университет, 1990.

Леонтьев Д.А. Синергетика и личность: к неравновесной персонологии. Методология и история психологии, 2018, No. 3, 96-104.

Николаев Д.Е. Механизмы мотивообразования: культурно-исторический подход. Психологические исследования, 2020, 13(71), 5.
<https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/188/125>

Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности. Национальный психологический журнал, 2011, No. 2(6), 15-24.

Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper and Row, 1990.

Deci E., Olafsen A., Ryan R. Self-Determination Theory in Work Organizations: The State of a Science. Annu. Rev. Organ. Psychol. Organ. Behav., 2017, 4, 19-43.

Deci E.L., Ryan R.M. Handbook of self-determination research. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002.

Fry D.P. Cross-Cultural Differences in Aggression. In: P. Sturme (Ed.). The Wiley Handbook of Violence and Aggression, 2017. doi:10.1002/9781119057574.whbva007.

Gagné M. (Ed.). The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014.

Gagné M., Deci E. The History of Self-Determination Theory in Psychology and Management. In: M. Gagné (Ed.), The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014. pp. 1-12.

May R. The discovery of being: Writings in existential psychology. New York: Norton, 1983.

Olafsen A.H., Deci E.L., Halvari H. Basic psychological needs and work motivation: A longitudinal test of directionality. *Motiv. Emot.*, 2018, 42, 178-189.

Pinker S. *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York: Penguin Books Limited, Viking, 2018.

Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Viking Books, 2011.

Ryan R., Deci E. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions. *Contemporary Educational Psychology*, 2000a, 25, 54–67.

Ryan R., Deci E. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*, 2000b, 55(1), 68-78.

Ryan R.M., Deci E.L. Autonomy is no illusion: Self-determination theory and the empirical study of authenticity, awareness, and will. In: J. Greenberg, S.L. Koole, T. Pyszczynski (Eds.), *Handbook of experimental existential psychology*. New York: Guilford Press, 2004. pp. 449-479.

Ryan R., Deci E. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. N.Y.: The Guilford Press, 2017.

Ryan R.M., Deci E.L. Brick by brick: The origins, development, and future of self-determination theory. In: A.J. Elliot (Ed.), *Advances in Motivation Science*, 6, Cambridge, MA.: Elsevier Inc., 2019. pp. 111-156.

Ryan R.M., Deci E.L., Vansteenkiste M., Soenens B. Building a science of motivated persons: Self-determination theory's empirical approach to human experience and the regulation of behavior. *Motivation Science*, 2021, 7(2), 97-110.

Ryan R.M., Legate N., Niemiec C.P., Deci E.L. Beyond illusions and defense: Exploring the possibilities and limits of human autonomy and responsibility through self-determination theory. In: P.R. Shaver, M. Mikulincer (Eds.), *Meaning, mortality, and choice: The social psychology of existential concerns*. Washington, WA: American Psychological Association, 2012. pp. 215-233.

Ryan R.M., Soenens B., Vansteenkiste M. Reflections on self-determination theory as an organizing framework for personality psychology: Interfaces, integrations, issues, and unfinished business. *Journal of Personality*, 2019, 87(1), 115-145.

Sansone C., Tang Y. Intrinsic and extrinsic motivation and self-determination theory. *Motivation Science*, 2021, 7(2), 113-114.

Sheldon K.M., Goffredi R. Self-determination theory shows that free will matters. *Motivation Science*, 2021, 7(2), 119.

Silva M.N., Marques M., Teixeira P.J. Testing theory in practice: The example of self-determination theory-based interventions. *The European Health Psychologist*, 2014, 16, 171-180.

van der Zee K.I., Hofhuis J. Conflict Management Styles Across Cultures. In: *International Encyclopedia of Intercultural Communication*. 2018. doi:10.1002/9781118783665.

Vansteenkiste M., Ryan R.M., Soenens B. Basic psychological need theory: Advancements, critical themes, and future directions. *Motivation and Emotion*, 2020, 44, 1-31.

Примечания

[1] Здесь и далее используется устоявшийся термин «механизмы мотивообразования», хотя скорее речь идет об универсальных механизмах переключения и фиксации эмоций на новое содержание [Вилюнас, 1990], формирующих широкий спектр побуждений, которые не сводятся исключительно к мотивам деятельности.

Поступила в редакцию 9 октября 2021 г. Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Сведения об авторе:

Николаев Дмитрий Евгеньевич. Заместитель директора исследовательского центра «Аналитик», пр. Ленина, д. 38а, 620219 Екатеринбург, Россия.

E-mail: nde@bk.ru

Ссылка для цитирования

Николаев Д.Е. Детерминанты межличностного конфликта и сотрудничества в контексте конструктивистского подхода к теории самодетерминации. Психологические исследования. 2022. Т. 15, № 83. С. 6. URL: <https://psystudy.ru>

Адрес статьи: <https://doi.org/10.54359/ps.v15i83.1139>

Николаев Д.Е.¹ Детерминанты межличностного конфликта и сотрудничества в контексте конструктивистского подхода к теории самодетерминации

Nikolaev D.E.¹ Determinants of Interpersonal Conflict and Cooperation within the Framework of Constructivist Approach to Self-Determination Theory

¹ Research Centre “Analytic”, Yekaterinburg, Russia

The current paper examines the determinants of interpersonal conflict and cooperation within the self-determination theory. It is shown that depending on the type of activity regulation, certain emotionally charged mental images determine one of the types of interpersonal relationships. Images of external rewards and punishments (including those created by means of projection, causal attribution or categorization) are more significant for external regulation. For the introjected type of regulation – the images of social-self-in-specific-situations are more significant, for the identified one – the images of a more-perfect-self and a more-perfect-world, for the integrated one – the image of congruent-self. Internal regulation in turn utilizes the images of certain activity and related emotions. Facilitation strategies for each of the types of regulation also have specific characteristics. In real behavior, several types of activity regulation can simultaneously coexist and demonstrate mutual influence, including those that induce simultaneously conflict and cooperative behavior. The appropriate strategy for cooperative behavior involves the formation of the belief about the importance of cooperation and tolerance. This is done by including individuals in productive interaction with others. Secondly, creation of the conditions for a person to use the most autonomous types of regulation is also a strategy for cooperative behavior. This is done by means of the techniques developed within the self-determination theory.

Keywords: self-determination theory, activity regulation, conflict, cooperation, tolerance

References

Asmolov A.G. Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. M.: Smysl, “Akademiya”, 2007. (in Russian)

Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper and Row, 1990.

Deci E., Olafsen A., Ryan R. Self-Determination Theory in Work Organizations: The State of a Science. Annu. Rev. Organ. Psychol. Organ. Behav., 2017, 4, 19-43.

Deci E.L., Ryan R.M. Handbook of self-determination research. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002.

Fry D.P. Cross-Cultural Differences in Aggression. In: P. Sturme (Ed.). The Wiley Handbook of Violence and Aggression, 2017. doi:10.1002/9781119057574.whbva007.

Gagné M. (Ed.). The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014.

Gagné M., Deci E. The History of Self-Determination Theory in Psychology and Management. In: M. Gagné (Ed.), The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014. pp. 1-12.

Leont'ev D.A. Sinergetika i lichnost': k neravnovesnoj personologii. Metodologiya i istoriya psihologii, 2018, No. 3, 96-104. (in Russian)

May R. The discovery of being: Writings in existential psychology. New York: Norton, 1983.

Nikolaev D.E. Mekhanizmy motivoobrazovaniya: kul'turno-istoricheskij podhod. Psihologicheskie Issledovaniya, 2020, 13(71), 5. <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/188/125> (in Russian)

Olafsen A.H., Deci E.L., Halvari H. Basic psychological needs and work motivation: A longitudinal test of directionality. Motiv. Emot., 2018, 42, 178-189.

Pinker S. Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. New York: Penguin Books Limited, Viking, 2018.

Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. New York: Viking Books, 2011.

Ryan R., Deci E. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions. Contemporary Educational Psychology, 2000a, 25, 54–67.

Ryan R., Deci E. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*, 2000b, 55(1), 68-78.

Ryan R.M., Deci E.L. Autonomy is no illusion: Self-determination theory and the empirical study of authenticity, awareness, and will. In: J. Greenberg, S.L. Koole, T. Pyszczynski (Eds.), *Handbook of experimental existential psychology*. New York: Guilford Press, 2004. pp. 449-479.

Ryan R., Deci E. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. N.Y.: The Guilford Press, 2017.

Ryan R.M., Deci E.L. Brick by brick: The origins, development, and future of self-determination theory. In: A.J. Elliot (Ed.), *Advances in Motivation Science*, 6. Cambridge, MA.: Elsevier Inc., 2019. pp. 111-156.

Ryan R.M., Deci E.L., Vansteenkiste M., Soenens B. Building a science of motivated persons: Self-determination theory's empirical approach to human experience and the regulation of behavior. *Motivation Science*, 2021, 7(2), 97-110.

Ryan R.M., Legate N., Niemiec C.P., Deci E.L. Beyond illusions and defense: Exploring the possibilities and limits of human autonomy and responsibility through self-determination theory. In: P.R. Shaver, M. Mikulincer (Eds.), *Meaning, mortality, and choice: The social psychology of existential concerns*. Washington, WA: American Psychological Association, 2012. pp. 215-233.

Ryan R.M., Soenens B., Vansteenkiste M. Reflections on self-determination theory as an organizing framework for personality psychology: Interfaces, integrations, issues, and unfinished business. *Journal of Personality*, 2019, 87(1), 115-145.

Sansone C., Tang Y. Intrinsic and extrinsic motivation and self-determination theory. *Motivation Science*, 2021, 7(2), 113-114.

Sheldon K.M., Goffredi R. Self-determination theory shows that free will matters. *Motivation Science*, 2021, 7(2), 119.

Silva M.N., Marques M., Teixeira P.J. Testing theory in practice: The example of self-determination theory-based interventions. *The European Health Psychologist*, 2014, 16, 171-180.

Soldatova G.U., Nestik T.A. Istoriko-evolyucionnaya perspectiva chelovechestva: ot paradigmy konflikta k paradigme tolerantnosti. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2011. No. 2(6), 15-24. (in Russian)

van der Zee K.I, Hofhuis J. Conflict Management Styles Across Cultures. In: *International Encyclopedia of Intercultural Communication*. 2018. DOI:10.1002/9781118783665.

Vansteenkiste M., Ryan R.M., Soenens B. Basic psychological need theory: Advancements, critical themes, and future directions. *Motivation and Emotion*, 2020, 44, 1-31.

Vilyunas V.K. *Psihologicheskie mekhanizmy motivacii cheloveka*. M.: Moskovskij universitet, 1990. (in Russian)

Information about the author

Nikolaev D.E., Deputy Director, “Analytic” Research Centre, prospect Lenina, 38a, 620219 Yekaterinburg, Russia.

E-mail: nde@bk.ru

To cite this article

Nikolaev D.E. Determinants of Interpersonal Conflict and Cooperation within the Framework of Constructivist Approach to Self-Determination Theory. *Psihologicheskie Issledovaniya*, 2022, Vol. 15, No. 83, p. 6. <https://psystudy.ru>